

К 120-летию со дня рождения Л. В. Собинова

«УПОРНАЯ ЛИ ЭТО РАБОТА ИЛИ ВДОХНОВЕНИЕ?»

Из писем артиста

«Сейчас же после первого акта я пошел в частную оперу, где шел в первый раз «Борис Годунов». Шаляпин был очень хорош. Теперь я начну аккуратно посещать оперы с его участием. Он всегда меня интересовал, а после нашего разговора стал интересовать вдвое: Меня занимает секрет его творчества — упорная ли это работа или вдохновение» (Декабрь 1898 г.).

«...Мой Фауст и по гриму и по вокальной передаче стремятся к образу задумчивому, серьезному и духовно красивому, а не тому пошлomu, самодовольному обольстителю, как его изображают у нас...» (1 мая 1899 г.).

«Как это ни смешно, но я только теперь смотрю не на певцов, а на образы, ищу этих героев живых в крови и плоти. Не знаю, что из этого искания выйдет, но мне кажется, что я уже на дороге, и если еще сам научусь не только понимать и ценить, но и создавать, широкая дорога откроется». (Август, 1899 г., Москва).

«...Была, как ты знаешь, сегодня первая репетиция «Кармен». Все идет как нельзя лучше. Альтани очень доволен и толкованием и силой звука в нужных местах. От арии /он/ в восхищении. Ее я, конечно, давно уже отдала до всяких нюансов и тонкостей. Тем не менее он согласился со мной, что торопиться петь партию для меня может кончиться гибелью». (22 ноября 1900 г.).

«Я как-то в партии Ленского стал находить все более и более разнообразия в интонациях, в отдельных фразах. Общий образ от этого еще более выиграл. Мне говорят кругом, что в моем теперешнем толковании ничего нельзя изменить, но в последний раз я нашел в одном месте нечто совершенно новое. Вот ты услышишь. Кругом масса комплиментов тому, как я держусь на сцене. Я уж не говорю про костюмы, про грим». (Апрель 1901 г., Киев).

«...Вчера был я у Керзиных. Он отыскал мне в историях Костомарова и Соловьева описание наружности Самозванца. Описание у обоих тождественное: волосы рыжеватые, глаза темно-голубые и т. д.

Теперь встает вопрос — какие рыжеватые? Темные или светлые? Я остановился на темно-рыжеватых...

Кажется, есть портрет Лжедмитрия в Грановитой палате — пойду и туда. Существо роли все более и более определяется». (Март 1901 г., Москва).

«...прием Петербурга. Первый спектакль был триумфом. А то, что пишут теперь рецензенты, аксружило бы всякому голову. Какое счастье, что я умею еще

пока быть трезвым. Каждая новая похвала заставляет меня бояться за будущее.

Не бойтесь за меня: слава и успех никогда не вскружат мне голову — в этом моя сила». (Июнь 1901 г., Петербург).

«Я думаю, что выучить «Гальку» по-польски не будет трудно. Я тебя потом попрошу спросить твоего отца, нет ли каких-нибудь руководств к изучению польского языка». (1903 г., Петербург).

«Партия Вертера почти совсем на мази. Дней через пять я буду знать ее наизусть. Партия отличная, очень трогательная. Массне сумел передать музыкой образ Вертера мастерски. Присматриваясь же к положению Вертера на сцене, приходится сознаться, что роль очень трудна.

Больше чем когда-нибудь я считаю нужным посмотреть оперу предварительно в Париже. Вероятно, и в музыкальном отношении есть традиции, установленные автором.

Все свободное время я сижу дома и читаю или, вернее, поглощаю закупленные мной книги». (Август 1903 г., Ливорно).

«Я даже рад, между прочим, если спою именно в Питере в первый раз Лоэнгрина. Во-первых, я пройду оперу с Направником, человеком, который любит и понимает Вагнера, а затем симпатизирует и мне. Во-вторых, быть может, и с художественной стороны в Питере я встречу больше сочувствия. «Скучно в Московском Большом театре, господа!...». (Сентябрь 1907 г., Москва).

«...предупреди Зилоти, что на участие солиста в симфоническом концерте я смотрю очень серьезно и традиционная четвертичасовая репетиция в последний день мне глубоко не по нутру. Я прошу поэтому не одну, а две репетиции с оркестром и при этом вполне серьезные, а не для просмотра нот». (1 ноября 1907 г.).

«Карьера наша так хрупка, нашедших правильную дорогу так мало, что молодежи нужны образцы и умения сохранить голос, несмотря на долгую работу, и высокого сценического искусства. Эти образцы должны служить стимулом. И не уходить надо со сцены, а держаться на ней возможно дольше по примеру великого Петрова». (Март 1925 г., Ленинград).

ЕГО СЛАВА СВЕТИТ НАМ В ОКНА

Мы по-прежнему живем в проезде Художественного театра, в том самом доме, где возле отца прошло мое детство. И внизу, у нашего подъезда, на серой стене прибита большая гранитная доска, на которой золотыми буквами вырезано: «Здесь жил с 1921 по 1934 гг. великий русский артист Леонид Витальевич Собинов».

Всякий раз, когда я возвращаюсь домой, вспоминаю, как шла девочкой, держась за руку отца. Вся улица оборачивалась на него — кто с уважением, кто с восторгом, кто с нескрываемым почтительным любопытством. «Вон Собинов пошел!.. Леонид Витальевич...». И отец едва успевал снимать шляпу в ответ на приветствия.

Я привыкла к тому, что отца все знают и любят, и считала это само собой разумеющимся. Но все же, когда меня пятилетней девочкой первый раз взяли на спектакль и я увидела отца на сцене, сразу узнав его, несмотря на грим, парик и костюм Ленского, когда я услышала, как неистово аплодирует огромный зал, мое ребячье сердце переполнилось гордостью.

Впрочем, через акт оно было тяжело истерзано, когда моего «папочку-Ленского», у всех на глазах застрелил Евгений Онегин. А потом дома, когда к отцу пришел его товарищ по сцене, известный баритон Минеев, певший Онегина, я ни за что не хотела здороваться с ним. Так и не пожалала руку, которая за несколько часов до этого держала пистолет.

Конечно, с годами я все серьезнее начинала понимать удивительное искусство отца. Осо-

бенно, помню, поразил меня один из спектаклей оперы «Евгений Онегин» в 1929 году. Я была до глубины души потрясена Собиновым—Ленским и, как умела, сказала потом об этом отцу. Вскоре он подарил мне свой портрет в роли Ленского с надписью: «Родная детка, Светланочка, вспоминай почаще о папином спектакле оп. «Евгений Онегин». 29 апр. 1929 г. в Большом театре, на котором ты присутствовала и потом так благодарил папочку за доставленное удовольствие...». Этот портрет и сейчас висит у меня в комнате.

Где бы я ни бывала — в театре, в своей школе, у знакомых, на улице, — я на каждом шагу убеждалась, что для миллионов людей Собинов — не только несравненный певец, великий артист, гордость нашего театра, но человек и в жизни вызывающий всеобщее уважение.

Со всех сторон я слышала о его демократизме — о том, как щедро, бескорыстно помогал он в трудные дарские годы бедным студентам, как поддерживал революционную молодежь, часто ставя себя в трудное, опасное положение и вызывая ненависть реакционной верхушки России. Не случайно в первые же годы революции отец стал директором Большого академического театра в Москве...

Когда я выросла уже настолько, что родители стали брать меня в далекие зарубежные поездки, я смогла убедиться, как велика в Западной Европе слава Собинова, какую любовь он завоевал и там.

В 1933 году мы были в итальянском городе Монтекатини. Однажды я услышала под нашим балконом чудесные голоса. Знаменитая певица Тоти Даль Монте и прославленный баритон Монтесанте вместе с популярным дирижером маэстро Сабаино, узнав, что в отеле остановился Собинов, собрались на улицу и втроем начали квартет из «Риголетто», призывая отца выйти на балкон и стать четвертым участником.

В Италии отца хорошо знали и помнили по его нашумевшим гастролем. В 1904 году он в первый раз выступил на сцене знаменитого театра «Ла Скала» в Милане, где спел партию Эрнесто в «Доне Паскуале» Доницетти. Через год весь Милан восторженно принимал его в «Травиату» и «Фра-Дьявола», «Манон» и

«Фальстафе». Все были пленены не только голосом истинного «тенора ди грация», но и его безукоризненным итальянским произношением.

Как известно, отец выступал не только в Италии. Вместе с Шаляпиным в 1907 году он пел в Монте-Карло. В том же году Собинов пленил берлинцев, выступая в той же опере — «Мефистофель» Бойто, но вызвал недовольство знати, близкой к двору. Когда оркестр стал безнадежно отставать, путая певцов, он позволил себе отбивать такт ногой в присутствии императора Вильгельма II. Собинов, как это было всем хорошо известно, всю жизнь больше считался с музыкой и ее истинными ценителями, чем с этикетом и коронованными особами.

Не только Италия и Германия, но и Мадрид, и Лондон, и Париж, и Варшава, и Финляндия слышали замечательный голос Собинова. И, пожалуй, в том, что он не прозвучал ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне, есть и моя немалая доля вины.

Отец относился ко мне с какой-то постоянно встревоженной нежностью, вечно опасаясь, что со мной что-нибудь случится. Поэтому, когда в 1924 году известный антрепренер Сол Юрок предложил Собинову многомесячные гастролы в Америке, отец категорически отказался: брать меня, тогда четырехлетнюю, в далекий заокеанский вояж он не решался, а расставаться надолго не захотел.

...При жизни отца горой «собиновский дом» — дом открытых дверей. За обедом отец, бывало, спрашивал у мамы: «Скажи, а кто вон тот с усами, что сидит с краю?». И сейчас мы стараемся, чтобы двери нашего дома оставались открытыми для всех, кто любит искусство, кто помнит Собинова или хочет узнать о нем.

По-прежнему у нас в квартире можно встретить многих известных или начинающих артистов, художников, музыкантов, режиссеров, писателей, студентов музыкальных и театральных вузов, гостей из-за рубежа.

Каждый предмет, каждая мелочь в нашей квартире, начиная от портретов отца, изображенного в разных ролях и кончая его роялем, который был выбран ему Рахманиновым, напоминают о жизни, об огромном творческом пути и всенародной славе Собинова.

Светлана СОБИНОВА.

На снимке: Л. Собинов — Фауст.

Собинов Л. В.

5.06.92